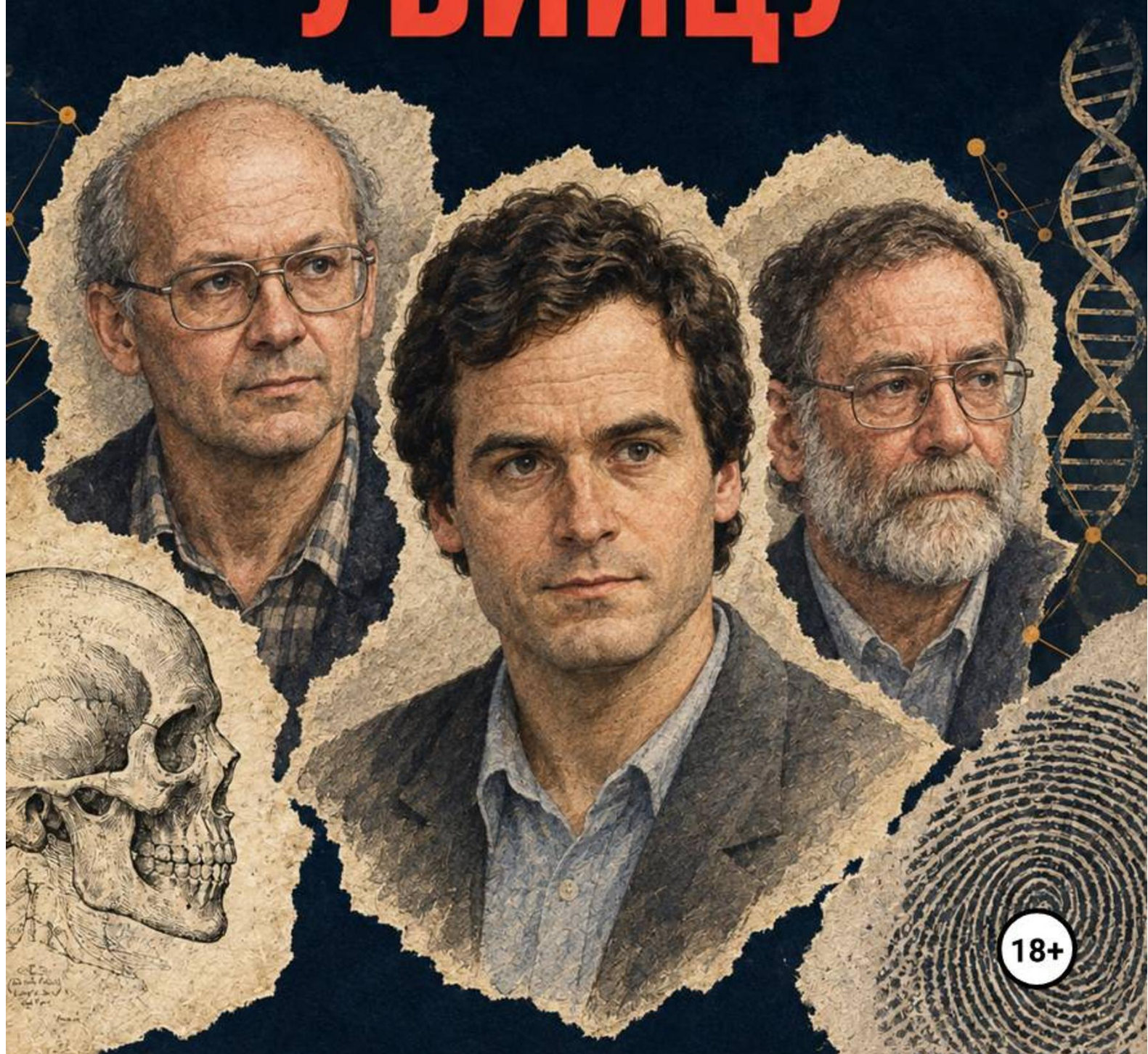

ДОКТОР СОЙФЕР ПЕТР

НЕ ПОХОЖ НА УБИЙЦУ

Петр Сойфер

Не похож на убийцу

«Автор»

2026

Сойфер П.

Не похож на убийцу / П. Сойфер — «Автор», 2026

Почему убийцу годами не замечали соседи, коллеги и следователи? Чикатило носил удостоверение дружинника, Шипман лечил своих жертв, военный психиатр Нидал Хасан прошёл десятки проверок. Психиатр и психотерапевт Пётр Сойфер прослеживает историю криминального профайлинга: от черепов Ломброзо и «психологического портрета» Джека-потрошителя до кабинетов ФБР, генетической генеалогии и алгоритмов. Каждая теория обещала наконец разглядеть убийцу, и каждая создавала собственную слепую зону. Главная мысль книги: профиль убийцы — не диагноз, а междисциплинарная конструкция. Не каждый больной опасен, и не каждый убийца болен. Только в комплексе биология, биография, среда, культура и динамика жизни объясняют, почему насилие случилось. В книге представлена авторская Матрица семи осей чувствительности, а также глоссарий и обширный список литературы.

© Сойфер П., 2026

© Автор, 2026

Петр Сойфер

Не похож на убийцу

Доктор Пётр Сойфер

Не похож на убийцу

От архаических табу к нейросоциологии: почему ни одна теория не работает в одиночку и как устроена динамическая архитектура насилия

Пролог. Анатомия слепой зоны

Осенью 1984 года на автовокзале Ростова-на-Дону оперативники задержали немолодого мужчину в очках, с портфелем в руке. Весь вечер он переходил от одной остановки к другой, заговаривал с девушками, садился в автобусы и выходил из них без видимой цели. В портфеле нашли нож, моток верёвки и баночку вазелина. Задержанный оказался членом партии, бывшим учителем, а ныне снабженцем с безупречными характеристиками. Анализ группы крови не совпал с данными, на которые тогда опиралось следствие, и подозрение в убийствах с мужчины сняли. Через три месяца он вышел на свободу, отбыв наказание лишь за мелкое хищение на прежней работе. Звали его Андрей Чикатило. До окончательного ареста оставалось шесть лет и ещё двадцать с лишним жизней.

Этот эпизод часто пересказывают как анекдот о советской милицейской беспомощности. На самом деле в нём нет ничего специфически советского. Похожие сцены повторяются в истории расследований с пугающей регулярностью: в Лондоне 1888 года, в Сиэтле 1974-го, в Брэдфорде 1980-го. Преступник стоит перед следователем, а следователь его не видит. Не потому, что глуп или ленив, а потому, что смотрит сквозь готовую схему, и человек в схему не вписывается.

Книга, которую вы держите в руках, посвящена именно этому феномену — слепой зоне. Тому, как она возникает, из чего складывается и почему каждая новая теория, обещавшая наконец её устранить, создавала собственную.

Непереносимость хаоса

Человеческий ум испытывает почти физическую непереносимость беспричинного хаоса. Встречаясь с актом предельного, разрушительного насилия, общественное сознание немедленно запускает древний защитный механизм: маркировать, изолировать и упростить. Нам жизненно необходимо верить, что человек, переступивший через фундаментальное табу на лишение жизни другого человека, чем-то фатально помечен. Если зло отмечено знаком, его можно заметить заранее. А если его можно заметить, значит, мы в безопасности.

Психиатру эта логика хорошо знакома по работе с пациентами. Человек с тревожным расстройством скрупулёзно ищет в теле признаки болезни, потому что найденный признак, даже пугающий, переносится легче неопределённости. Общество ведёт себя точно так же. Оно предпочитает страшное, но понятное объяснение честному «мы не знаем».

На протяжении столетий эта потребность порождала безупречные по стройности, но совершенно беспомощные объяснительные модели. Средневековые объявляли убийцу «одержимым бесами» и тем самым выносили источник зла за пределы человеческой природы. Девятнадцатый век, окрылённый первыми успехами естествознания, решил материализовать эту одержимость. Чезаре Ломброзо измерял штангенциркулем скосы лбов и форму ушных раковин итальянских заключённых. Просвещённой публике он объяснял, что «атавистического преступника» можно распознать по строению черепа задолго до того, как тот возьмёт в руки нож. В двадцатом столетии на смену черепомеру пришли психологические классификации —

от умозрительного психоанализа до знаменитой дихотомии ФБР, делившей серийных убийц на «организованных» и «неорганизованных».

Каждый раз науке и обществу казалось, что ключ найден. И каждый раз реальность разбивала иллюзию с жестокой последовательностью.

Миф о гениальном одиночке

Главный миф, созданный популярной культурой и классическим детективом, гласит: профайлинг — это магия дедуктивного прозрения, доступная одинокому гению. Шерлок Холмс по загару и выправке угадывает в докторе Ватсоне ветерана афганской кампании. Агент ФБР из телесериала бросает взгляд на узел верёвки и через минуту называет возраст, профессию и марку автомобиля убийцы. Нам нравится этот образ, он успокаивает: где-то существует человек, способный видеть тьму насквозь.

В реальной следственной практике романтический подход производит не прорывы, а катастрофические слепые зоны. Уверенный эксперт, выдавший яркий и детальный портрет, невольно сужает поиск. Следователи начинают отбрасывать подозреваемых, не совпадающих с портретом, и цепляться за тех, кто совпадает. Когда портрет неверен, ошибка множится: полиция тратит месяцы на невиновных, а настоящий преступник продолжает жить привычной жизнью в соседнем квартале.

Ни одна монофакторная концепция — будь то генетическая аномалия, тяжёлая детская травма, нейробиологический сбой или социальная депривация — не работает в одиночку.

Череп Ломброзо оказался пустышкой, но современная генетика действительно фиксирует полиморфизмы вроде знаменитого «гена воина» MAOA. Вот только сам по себе этот вариант гена не делает человека убийцей. Заметно повышать риск агрессии он начинает лишь тогда, когда ребёнок растёт в атмосфере тяжёлого насилия. Психопатия по шкале Роберта Хаэра описывает миллионы людей. Их холодный, манипулятивный потенциал благополучно реализуется на вершинах корпоративных иерархий, в политике или в операционных. Черту Уголовного кодекса они так и не переступают. А безупречный социальный статус, педагогические заслуги и общественное признание способны годами слепить правоохранительную систему, создавая идеальное укрытие для человека с давно разрушенной внутренней механикой.

Насилие как точка схождения

Настоящий профайлинг — не поиск застывшего диагноза и не попытка повесить на человека ярлык. Это динамический подход, рассматривающий преступление как точку катастрофического схождения многих линий.

Тяжёлое насилие — всегда вектор. Оно возникает там, где биологическая и психическая уязвимость человека встречается с социокультурным кодом эпохи. К этому добавляются унижение и потеря статуса, затем крушение привычного уклада жизни. И наконец, всё срывается под действием конкретного пускового события. Измените один элемент этой системы: культурный контекст, уровень личного стресса или круг людей, на чьё мнение человек ориентируется. Тогда то же самое внутреннее напряжение выльется в тяжёлый невроз, алкоголизм или затяжную депрессию, но не в пролитую кровь.

Для наглядности можно сравнить эту картину с прогнозом погоды. Метеоролог не ищет «ген урагана» в отдельной молекуле воздуха. Он смотрит на температуру океана, давление, влажность, направление ветра — и говорит о вероятности. Ни один параметр по отдельности бурю не создаёт. Буря рождается из их совпадения, причём совпадения во времени. Профайлер будущего, как мне представляется, должен мыслить так же.

Наука, оплаченная жизнями

Динамический профайлинг не выведен из абстрактных математических моделей. Он вырос из трагической истории уже совершённых убийств. Каждая ошибка криминалистической теории оплачивалась человеческими жизнями. И каждая вынуждала исследователей дви-

гаться от простых схем к сложным синтезам — на стыке нейробиологии, клинической психиатрии, микросоциологии, географии и культурологии.

Поэтому книга построена как путешествие по истории ошибок. Мы начнём с демонов и черепомеров викторианской эпохи, пройдем через кабинеты психиатров и коридоры Куан-тико, заглянем в советские прокуратуры, в редакции калифорнийских газет и в лаборатории нейровизуализации. Каждая глава строится вокруг реального дела. Каждое дело показывает, какую часть правды увидела очередная теория и какую часть она пропустила.

Во второй половине книги я предложу инструмент, выросший из многолетней клинической работы, — Матрицу семи осей чувствительности. Это не волшебный ключ и не очередная попытка заменить один редукционизм другим. Скорее это карта, позволяющая держать в поле зрения одновременно несколько измерений человеческой жизни и следить за тем, как они меняются под нагрузкой.

Три иллюзии наблюдателя

Слепая зона есть не только у следователей. Она есть у всех нас. У соседей, коллег, родственников, которые потом говорят журналистам одну и ту же фразу: «Мы и подумать не могли». Эта фраза звучит после дела Чикатило и после дела Райдера, в Ростове и в канзасском пригороде. Дело не в наивности отдельных людей. Дело в том, как устроено наше восприятие. Психология давно описала три иллюзии, которые мешают увидеть опасного человека рядом.

Первая — **эффект ореола**. Одно хорошее качество окрашивает в светлые тона всю личность. Человек вежлив, аккуратен, ходит в церковь или носит форму. Значит, думаем мы, он и во всём остальном хорош. Этот эффект описал психолог Эдвард Торндайк ещё в 1920 году. Он заметил, что офицеры оценивают солдат слишком ровно: кто хорош в одном, тот автоматически получает высокие баллы и во всём другом. В этой книге мы не раз увидим, как ореол становится бронёй. У заслуженного учителя, у полковника ВВС, у семейного врача.

Вторая — **фундаментальная ошибка атрибуции**. Так психологи называют привычку объяснять чужие поступки характером и недооценивать обстоятельства. После трагедии эта ошибка работает в обратную сторону. Вчерашний «хороший сосед» за один день превращается в «прирождённого монстра». И в том, и в другом случае мы смотрим на личность и не видим того, что менялось вокруг неё: потери, унижения, распад связей. А именно там чаще всего и скрыт ответ на вопрос «почему именно сейчас».

Третья — **предвзятость подтверждения**. Когда у нас уже есть версия, мы замечаем то, что её подтверждает, и пропускаем всё остальное. Следователи слушали плёнку с чужим акцентом и не слышали свидетелей. Патрули искали белый фургон и пропускали синий седан. Эти истории ещё впереди. Во всех них первая догадка превращалась в фильтр, сквозь который проходили только удобные факты.

У всех трёх иллюзий есть общее свойство. Они сокращают сложную картину до одного признака. Ореол — до хорошей репутации. Ошибка атрибуции — до характера. Предвзятость подтверждения — до первой версии. Противоядие тоже одно. Нужно смотреть на человека с нескольких сторон сразу и проверять одну точку зрения другой. Именно это и называется междисциплинарным профилем.

Одна оговорка важна с самого начала. Из того, что убийца часто выглядит нормально, не следует, что нормальный человек подозрителен. И из того, что человек странен или болен, не следует, что он опасен. Не каждый больной шизофренией убийца, и не каждый убийца психически болен. Эта мысль пройдёт через всю книгу.

О чём эта книга и о чём она не будет

Эта книга — не сборник сенсационных хроник и не руководство по бытовой психопатологии. Я сознательно избегаю натуралистических подробностей: они ничего не добавляют к пониманию и лишь обслуживают то самое болезненное любопытство, которое исследователи называют «культурой раны». За каждым кейсом стоят погибшие люди с именами, родными и

несостоявшимся будущим. Об этом легко забыть, увлекаясь логикой расследования, и я прошу читателя помнить об этом вместе со мной.

Это попытка демонтировать мифы о природе человеческой агрессии и предложить честный, доказательный взгляд на то, как в действительности устроена архитектура насилия. Чтобы научиться распознавать тьму до того, как она станет необратимой, придётся отказаться от простых ответов и научиться видеть систему в движении.

Начнём с самого древнего из простых ответов — с демонов.

ЧАСТЬ I. ИЛЛЮЗИЯ ПРОСТОГО ОТВЕТА: ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕЙ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ЛОВУШКИ

Глава 1. Демоны, грех и уродство: архаика и биодетерминизм

Стремление найти внешние признаки «врождённого зла» — древний защитный механизм психики. Он создаёт иллюзию контроля над неопределённостью, но сам по себе ничего не объясняет. Дело Джека-потрошителя показывает, как первые протопрофили викторианской эпохи оказались заложниками классовых, этнических и антропометрических предрассудков своего времени.

1. Метафизика метки: от демонологии к штангенциркулю

В шестнадцатой главе книги Левит описан странный ритуал. В День очищения первосвященник возлагает обе руки на голову живого козла, исповедует над ним грехи всего народа и отпускает животное в пустыню. Козёл уносит с собой то, что община не в состоянии вынести в себе. За три тысячи лет словосочетание «козёл отпущения» потеряло религиозный смысл, но сам механизм остался нетронутым.

Когда человечество сталкивается с непонятной, внешне бессмысленной жестокостью, первая реакция культуры — вытолкнуть преступника за пределы человеческого. В архаических и средневековых обществах это оформлялось через представление об одержимости и ритуальной нечистоте. Убийца предстал не человеком с повреждённой психикой или тяжёлой судьбой, а сосудом чужой воли: демона, злого духа, родового проклятия. В европейском фольклоре серийные нападения на людей приписывали оборотням, вампирам, ведьмам. В 1486 году вышел «Молот ведьм» — по сути, первое в истории практическое руководство по «распознаванию» носителей зла. В нём уже есть все черты будущих псевдонаучных систем: перечень признаков, процедура проверки, уверенность в том, что скрытое всегда оставляет видимый след. «Дьявольская метка» — нечувствительное пятно на коже — стала прабабушкой ломброзианских «стигм».

Французский антрополог и философ Рене Жирар посвятил этому механизму несколько книг [3, 4]. В его описании община, раздираемая внутренним напряжением, находит одного человека и возлагает на него вину за все беды. Изгнание или гибель жертвы ненадолго восстанавливает мир, и община запоминает саму формулу успокоения. С позиций социальной антропологии объявление насильника одержимым выполняло важную психотерапевтическую функцию:

оно снимало с общества ответственность за воспитание, нищету, жестокость повседневной жизни: зло пришло извне, мы его не порождали;

оно предлагало понятный, пусть и иррациональный, способ обезвредить угрозу: экзорцизм, изгнание, ритуальную казнь;

оно восстанавливало чувство единства: все «мы» чисты, а скверна сосредоточена в одном «он».

Эпоха Просвещения, казалось бы, должна была покончить с демонологией. Однако потребность во внешнем, легко считываемом знаке опасности никуда не исчезла — она лишь

сменила язык. В 1770-х годах швейцарский пастор Иоганн Каспар Лафатер выпускает многотомные «Физиогномические фрагменты», уверяя, что душа читается по чертам лица. На рубеже XVIII и XIX веков венский врач Франц Йозеф Галль создаёт френологию. По этому учению, выпуклости черепа выдают развитие скрытых под ними «органов» — в том числе «органа убийства» и «органа воровства». Демон переселился из души в кость.

Туринский череп

Решающий шаг сделал итальянец Чезаре Ломброзо — военный врач, психиатр и профессор судебной медицины. В начале 1870-х годов он вскрывал череп калабрийского разбойника и вора Джузеппе Виллеллы и обнаружил небольшое углубление в затылочной кости — срединную затылочную ямку. Подобное углубление встречается у некоторых млекопитающих и низших приматов. Позже Ломброзо вспоминал об этой минуте как об озарении: перед ним будто бы внезапно вспыхнула над огромной равниной разгадка природы преступника.

Из единичной анатомической находки родилась глобальная гипотеза. Преступник, по Ломброзо, — это атавистическое существо, эволюционный откат, пережиток дикаря в цивилизованном обществе. В 1876 году в Милане выходит его книга «Преступный человек» (*L'uomo delinquente*) [56]. Первое издание занимало около трёхсот страниц, пятое, вышедшее двадцать лет спустя, разрослось до трёх томов и атласа. Книга стала манифестом антропометрического детерминизма.

Ломброзо составил подробный реестр физических «стигматов вырождения»:

скошенный лоб и выступающие надбровные дуги;

асимметрия черепа и лица;

чрезмерно длинные руки, особая форма ушных раковин, аномалии прикуса;

пониженная чувствительность к боли и пристрастие к татуировкам;

особый жаргон, лень, любовь к оргиям и азартным играм.

Последний пункт выдаёт слабость всей конструкции. Признаки тела в ней смешаны с признаками социального положения, а сами тела Ломброзо измерял у людей, давно живущих в тюрьмах, на каторге, в нищете. Раннее детское недоедание, рахит, травмы и тяжёлый труд оставляют на скелете вполне реальные следы. Ломброзо наблюдал последствия бедности и принимал их за причину преступности. Логическая ошибка, в которой следствие меняется местами с причиной, ещё не раз встретится нам на страницах этой книги.

У Ломброзо были и сильные стороны, и справедливость требует их назвать. Он первым настоял на том, что судить нужно человека, а не абстрактное деяние. Он привёл в криминологию измерение, статистику и наблюдение вместо чистого умозрения. Наконец, он признавал, что «рождённые преступники» составляют лишь часть осуждённых, и в поздних изданиях снизил их долю до трети. Но именно та часть его учения, где говорилось о черепах и ушах, покорила публику. Публике нужна была не осторожная статистика, а видимая метка.

Ученики и оппоненты

Ученик Ломброзо Энрико Ферри — юрист, социолог, позже депутат итальянского парламента — подарил учителю термин «преступник от рождения». Одновременно он добавил к антропологическим факторам физические (климат, время года) и социальные (плотность населения, цены на хлеб, алкоголь, устройство семьи) [39]. Ферри фактически нащупал идею многофакторности, к которой наука вернётся лишь спустя столетие. Но в массовом сознании итальянская школа свелась к одной простой мысли: преступника видно сразу.

Параллельно в Париже скромный писарь префектуры Альфонс Бертильон в 1882 году внедряет антропометрическую систему регистрации арестованных. Рост, длина головы, длина левой стопы, среднего пальца и другие параметры записывались на карточки вместе с фотографиями анфас и в профиль. Важно понимать разницу. Бертильон не утверждал, что измерения выдадут преступную природу. Он лишь устанавливал личность человека, уже однажды побывавшего в руках полиции. Тем не менее сама культура тела, разложенного на цифры, укреп-

ляла веру в то, что тайна человека измерима. Мишель Фуко позже опишет эту эпоху как время рождения «дисциплинарного индивида» — человека, превращённого в досье [10].

В Англии тем временем Фрэнсис Гальтон, кузен Дарвина, совмещал на одной фотопластине портреты осуждённых, надеясь получить «типичное лицо преступника». Результат озадачил самого автора: составные портреты получались приятнее и благообразнее любого из исходных. Усреднение стирало индивидуальные несовершенства, и никакого «преступного типа» пластина не показала.

Окончательный удар по ломброзианству нанёс тюремный врач Чарльз Горинг. В 1913 году он опубликовал исследование «Английский каторжник» [43]. Горинг и его коллеги десять лет измеряли около трёх тысяч заключённых и сравнивали их со студентами Оксфорда и Кембриджа, солдатами, преподавателями и пациентами больниц. Никакого анатомического «типа преступника» они не обнаружили. Заключённые оказались в среднем чуть ниже и легче — что гораздо проще объяснялось бедностью, чем атавизмом. Сам Горинг, правда, тут же создал новую метку: он счёл преступников наследственно «умственно неполноценными» и сочувствовал евгенике. Демон, изгнанный из черепа, переселился в наследственность. Историк науки Стивен Джей Гулд посвятил этим бесконечным переселениям знаменитую книгу «Ложное измерение человека» [44].

Но всё это случится позже. А осенью 1888 года европейская публика пребывает на пике веры в то, что зло имеет лицо. Именно в этой атмосфере — на стыке угасающего страха перед демоническим и торжества антропометрии — в Лондоне появляется человек, навсегда изменивший историю криминалистики. Лица его так никто и не увидит.

2. Ист-Энд 1888 года: социальная лаборатория ужаса

Чтобы понять, почему следствие по делу Джека-потрошителя зашло в тупик, придётся отложить в сторону мрачную романтику газовых фонарей и лондонского тумана. Уайтчепел того времени стоит рассматривать глазами социолога.

Это была классическая зона социальной аномии — в том смысле, который позже вложат в это слово Эмиль Дюркгейм и Роберт Мертон [2, 61]. Привычные нормы здесь не работали, а новых ещё не сложилось.

Теснота и нищета. В Уайтчепеле жило около восьмидесяти тысяч человек. Детская смертность была чудовищной даже по викторианским меркам. Тысячи людей ночевали в ночлежных домах, где койка на ночь стоила четыре пенса. Те, кому не хватало и этих денег, бродили до утра по улицам. Именно так, без крова на ту самую ночь, провели свои последние часы несколько жертв Уайтчепела.

Теневая экономика и беззащитность. По оценке столичной полиции на октябрь 1888 года, в районе действовали шестьдесят два борделя, а уличной проституцией занимались около тысячи двухсот женщин. Для большинства из них это была не «профессия», а последний способ не умереть от голода после развода, вдовства или потери работы. Такие женщины стояли на самом дне иерархии, и защиты от полиции им ждать было нечего.

Этническое напряжение. После погромов 1881–1882 годов в Российской империи в Ист-Энд хлынули десятки тысяч еврейских беженцев. Они говорили на идише, работали в потогонных мастерских и составляли конкуренцию местным рабочим. Ксенофобия висела в воздухе задолго до первого убийства.

В такой среде смерть была обыденным событием. Расследование смерти бедной женщины в тёмном дворе редко превращалось в работу детектива в современном смысле. Ничего похожего на нынешнюю криминалистику ещё не существовало. Дактилоскопический учёт Скотленд-Ярд введёт лишь в 1901 году. В том же году Карл Ландштейнер опишет группы крови. До анализа ДНК оставалось сто лет. У следствия были свидетели, слухи, полицейский свисток и вера в то, что злодей выдаст себя наружностью.

Пять имён

Канонический список жертв принято ограничивать пятью женщинами. Мэри Энн Николс погибла 31 августа 1888 года, Энни Чэпмен — 8 сентября. В ночь на 30 сентября, с разницей примерно в час, были убиты Элизабет Страйд и Кэтрин Эддоус; газеты назвали это «двойным событием». Наконец, 9 ноября в своей комнате на Миллерс-корт была убита Мэри Джейн Келли — самая молодая из пяти. Ей было около двадцати пяти лет.

Историк Хэлли Рабенхолд посвятила этим женщинам отдельную книгу [74]. Она спорит с привычной формулой «Джек убивал проституток» и показывает, что для части жертв нет надёжных доказательств такого занятия. Ярлык навесили автоматически: бедная женщина ночью на улице — значит, уличная. Можно спорить с частностями её выводов, но сама логика важна для нашей темы. Ярлык сказывался не только на памяти о погибших. Он подсказывал обществу успокаивающую мысль: убийца охотится на «падших», а порядочным людям ничего не грозит.

Убийства стали для викторианской Англии чем-то большим, чем серия преступлений. Они воспринимались как прорыв хаоса из трущоб в благополучный Вест-Энд. Дешёвые газеты, вроде вечерней «Стар», впервые превратили расследование в ежедневный сериал. Тиражи росли с каждым новым преступлением.

27 сентября 1888 года в агентство «Сентрал Ньюс» пришло письмо, начинавшееся словами «Дорогой босс». Подпись гласила: «Джек-потрошитель». Большинство современных исследователей считает его фальшивкой, составленной кем-то из журналистов [36, 79]. И всё же именно эта подделка дала убийце имя, пережившее полтора столетия. В октябре председатель Уайтчепельского комитета бдительности Джордж Ласк получил посылку с письмом «Из ада» и половиной человеческой почки. Рождался новый жанр: преступление как диалог с публикой. К нему мы вернёмся в пятой главе.

3. Первый протопрофиль в истории: доктор Томас Бонд

К анализу материалов привлекли полицейского хирурга Томаса Бонда, консультировавшего Скотленд-Ярд по судебно-медицинским вопросам. Бонд участвовал во вскрытии Мэри Джейн Келли и изучил заключения по предыдущим эпизодам. 10 ноября 1888 года он направил письмо Роберту Андерсону, главе Уголовно-следственного департамента. Этот документ по праву считается первым сохранившимся письменным профилем неизвестного преступника [36].

Вот как, в близком пересказе, Бонд описал неизвестного:

Параметр

Вывод Томаса Бонда

Число преступников

Все пять убийств совершены одной рукой

Физические качества

Физически силен, необычайно хладнокровен и дерзок

Внешность

Скорее всего тихий, безобидный на вид человек, вероятно средних лет, аккуратно и прилично одетый; наверняка носит пальто или плащ, скрывающий следы крови

Навыки

Не владеет ни хирургическими, ни анатомическими знаниями — даже на уровне мясника или живодёра

Психическое состояние

Подвержен периодическим приступам «убийственной и эротической мании»

Образ жизни

Одинок и эксцентричен, без постоянного занятия, но с небольшим доходом или пенсией

Окружение

Возможно, живёт среди респектабельных людей; они кое-что знают о его характере и подозревают, что он не вполне нормален

Перечитайте последнюю строку. Викторианский хирург фактически пишет о том, что сегодня мы назвали бы референтной группой преступника. Рядом с ним есть люди, что-то замечающие, но молчащие из страха, стыда или нежелания связываться с полицией. Бонд даже советовал обратиться к таким людям через объявление о вознаграждении. К этой идее — преступника окружает среда, способная и скрывать, и выдавать, — мы ещё вернёмся при разборе Матрицы семи осей.

В чём Бонд опередил своё время

Отказ от мифа о «хирурге-маньяке». Публика и часть врачей были уверены, что убийца — врач или анатом. Бонд аргументированно отверг эту версию: по его заключению, повреждения не следовали никакой хирургической логике. Убийца действовал быстро и решительно, но без профессионального умения. Стоит оговориться: другие медики, участвовавшие в деле, с Бондом не соглашались, и спор о навыках убийцы не закончен до сих пор [79].

Сексуальный мотив без сексуального контакта. Бонд понял то, что через сто лет станет основой концепции сексуального убийства (sexual homicide) [71]. Насилие может замещать для преступника сам сексуальный акт. Стало быть, искать нужно не грабителя и не мстителя, а человека с глубоко искажённой сексуальностью.

Социальная маскировка. Самое смелое его утверждение шло вразрез с ломброзианской модой. Убийца, по Бонду, не похож на чудовище. Он тих, прилично одет, ничем не выделяется в толпе. Идея «маски нормальности», которую Херви Клекли сформулирует в 1941 году, здесь уже присутствует в зачатке.

В чём Бонд остался сыном своего времени

Рядом с прозрениями в профиле есть и типичные для эпохи формулы. «Убийственная и эротическая мания» и упомянутый Бондом «сатириаз» — скорее моральные оценки в медицинской упаковке, чем диагнозы. Бонд также допускал, что убийца может находиться во власти мстительной или религиозной идеи. Наконец, его профиль не содержал ни одного предложения о том, как искать. Он описывал человека, но не сужал круг подозреваемых. Под описание «тихий аккуратный мужчина средних лет в пальто» в Лондоне 1888 года подходили десятки тысяч человек.

Это тот самый «эффект Барнума», о котором мы подробно поговорим в третьей главе. Описание может быть совершенно верным и при этом бесполезным для следствия.

4. Заложники эпохи: системные ошибки и слепые зоны следствия

Несмотря на отдельные прозрения Бонда, расследование в целом потерпело крах. Полиция допросила сотни людей, проверила ночлежки и скотобойни, привлекла даже следовых собак. Ничего не помогло. Главная причина неудачи кроется не в недостатке усердия, а в том, как следствие ставило вопросы. Гипотезы и приоритеты формировались под давлением трёх мощных искажений.

Ошибка первая: «англичанин так не поступит»

Пресса и часть полицейских с самого начала искали чужака. В начале сентября 1888 года газеты заговорили о загадочном «Кожаном фартуке», якобы вымогавшем деньги у уличных женщин. Описание состояло из антисемитских штампов — от «зловещей ухмылки» до «чужого вида». 10 сентября арестовали сапожника Джона Пайзера, еврея по происхождению. У него оказалось твёрдое алиби, и его отпустили, но толпа уже получила нужный образ врага.

В ночь «двойного события» на Гулстон-стрит нашли окровавленный лоскут фартука Кэтрин Эддоус. Над ним на стене мелом была написана тёмная по смыслу фраза о том, что «евреи — это те люди, которых не станут обвинять ни за что» (слово «евреи» было написано с ошибкой). Комиссар столичной полиции сэр Чарльз Уоррен лично приказал стереть надпись до рассвета, не дожидаясь фотографа. Он боялся еврейских погромов, и страх этот был вполне обоснованным. Ситуация идеально иллюстрирует наш тезис: напряжённость среды здесь буквально стёрла вещественную улику.

В 1894 году высокопоставленный сотрудник Скотленд-Ярда Мелвилл Макнатен составил служебную записку. Среди трёх вероятных подозреваемых в ней назван польский еврей Аарон Косминский — парикмахер с тяжёлым психическим расстройством, позднее помещённый в лечебницу. Роберт Андерсон в мемуарах уверял, что полиция знала убийцу и что тот был «польским евреем». Доказательств этой версии не предъявлено до сих пор. Но заметно, как легко в фигуре одного человека сошлись два готовых ярлыка — «чужак» и «безумец».

Ошибка вторая: джентльмен в цилиндре

Вторая крайность зеркально противоположна первой. В ней убийца — богатый житель Вест-Энда, безумный аристократ или светило медицины, по ночам спускающийся в трущобы. Эта версия питалась социалистическими настроениями и классовой обидой. Позже она разрослась до конспирологических теорий о членах королевской семьи и лейб-медиках. Привлекательность её понятна: зло снова приходит извне, только теперь не снизу, а сверху.

Миф о джентльмене породил искажённое представление о географии преступлений. Если убийца приезжает из фешенебельного района, искать следует извозчиков и свидетелей на дорогах из центра. Местный рисунок преступлений при этом терялся из вида.

Ошибка третья: невидимая география

Все канонические убийства совершены на пяточке земли площадью меньше квадратной мили. Все — ночью или на рассвете, чаще всего в выходные или накануне них. Убийца безошибочно ориентировался в лабиринте неосвещённых дворов и исчезал за минуты до появления патруля. В ночь «двойного события» он перешёл из Уайтчепела в Лондонский Сити, а затем снова вернулся назад — к Гулстон-стрит. Похоже, убийца двигался к дому, а не прочь от него.

С точки зрения современной криминологии такое поведение говорит само за себя: преступник жил или работал внутри этого пяточка. Ретроспективный географический анализ, выполненный Кимом Россмо, указывает на кварталы вокруг Флауэр-энд-Дин-стрит [73]. Это была одна из самых печально известных улиц Ист-Энда, целиком застроенная ночлежками. Иными словами, убийца, скорее всего, был своим среди своих: бедным местным жителем, на которого никто не оборачивался. Ни чужаком, ни джентльменом.

Ошибка четвёртая: два ведомства — две правды

К трём когнитивным ошибкам стоит добавить четвёртую, чисто институциональную. Убийство Эддоус на Майтр-сквер произошло на территории Сити, где действовала собственная полиция со своим начальством. Кусок фартука нашли уже на территории столичной полиции. Именно из-за этого надпись на стене оказалась в руках Уоррена, а не сыщиков Сити, предлагавших хотя бы сфотографировать её. Два ведомства расследовали связанные эпизоды, ревниво охраняя полномочия и неохотно делясь сведениями. Почти сто лет спустя мы увидим ровно такую же картину в северной Англии, а затем в Ростовской области.

5. Чикаго, 1893: джентльмен, которого не искали

В Лондоне миф о «джентльмене в цилиндре» уводил следствие в сторону. Пять лет спустя и по другую сторону океана история поставила зеркальный эксперимент. Здесь убийцей оказался именно уважаемый деловой человек — и именно поэтому его долго никто не искал.

В 1893 году в Чикаго открылась Всемирная выставка. Город переживал стремительный рост. В него съезжались сотни тысяч приезжих: рабочие, туристы, молодые женщины в поисках места прислуги или конторской работы. Это была среда без корней и связей, где человек мог исчезнуть, и никто бы этого не заметил. Социолог назвал бы её идеальной иллюстрацией аномии.

В пригороде Энглвуд стояло трёхэтажное здание с аптекой и магазинами на первом этаже и комнатами наверху. Его хозяин называл себя доктором Генри Говардом Холмсом. Настоящее имя — Герман Уэбстер Маджет. Он учился на медицинском факультете, был обаятелен, хорошо одет и предприимчив. Покупатели доверяли аптекарю. Кредиторы и страховые компании — деловому человеку. Молодые женщины — внимательному работодателю.

На деле Холмс был профессиональным мошенником. Он жил в долг, не платил строителям, подделывал документы и строил схемы страхового мошенничества. Заподозрили его именно в этом. В 1894 году его арестовали в Бостоне по делу о страховке своего сообщника Бенджамина Питезела. Выяснилось, что Питезел мёртв, а трое его детей, уехавших с Холмсом, исчезли. Филадельфийский детектив Фрэнк Гайер долго и методично шёл по следу их переездов по гостиницам и съёмным домам США и Канады. В конце концов он нашёл детей мёртвыми. В 1896 году Холмса казнили за убийство Питезела.

Обратите внимание на метод Гайера. Это не психологический портрет и не измерение черепа. Это терпеливая реконструкция повседневного маршрута: где снимал жильё, где покупал вещи, кто его видел. Давайте запомним этот приём. В седьмой главе он станет основой целой научной дисциплины.

Миф о «замке убийств»

Дальше в дело вступила пресса. Здание в Энглвуде газеты окрестили «замком убийств» с потайными ходами и ловушками. Сам Холмс за большой гонорар продал газетам «признание» в двадцати семи убийствах. Несколько «жертв» из этого списка вскоре оказались живы. Современные исследователи, работавшие с архивами, считают, что доказано лишь несколько убийств, а большая часть знаменитой легенды — плод жёлтой прессы [102].

И вот самая показательная деталь для нашей темы. В своём признании Холмс писал, что черты его лица меняются и приобретают сатанинское выражение. Преступник сам заговорил на языке Ломброзо и Лафатера. Он дал публике то, чего та ждала: метку зла на лице. До ареста этой метки никто не замечал. Тот же человек казался соседям и клиентам приятным молодым аптекарем.

Уайтчепел и Чикаго вместе дают нам первый полный урок этой книги. В Лондоне искали чужака и не замечали своего среди нищих. В Чикаго верили респектабельному фасаду и не замечали нарастающей цепочки исчезновений. В обоих случаях общество смотрело на поверхность: на одежду, происхождение, лицо. А видеть нужно было связи между фактами.

6. Каждой эпохе — свой Потрошитель

Дело Уайтчепела так и не было раскрыто. Но оно не закрылось и сегодня. За сто с лишним лет исследователи-любители, журналисты и писатели назвали более ста подозреваемых. В этом списке есть врачи и мясники, поэты и художники, иммигранты и член королевской семьи. Если разложить эти версии по датам, получится любопытная картина. Каждое поколение находило того Потрошителя, которого подсказывала его главная теория.

Викторианский ответ: безумный чужак

Вернёмся к служебной записке Макнатена. В ней были три имени. Первое — Монтагью Друитт, молодой адвокат и школьный учитель. В конце 1888 года его тело нашли в Темзе. Второе — Аарон Косминский, бедный еврейский иммигрант из Польши. Впоследствии его

поместили в психиатрическую лечебницу. Третье — Михаил Острог, мошенник с длинным списком фальшивых имён.

Все три версии построены на одной идее своего времени. Убийца — сумасшедший, а лучше ещё и чужак. Это викторианская теория вырождения в чистом виде. О ней мы говорили в начале главы. Прямых улик против кого-либо из троих в открытых источниках нет.

Двадцатый век: заговор и знаменитость

В 1976 году журналист Стивен Найт выпустил книгу о «королевском заговоре». В ней в убийствах обвинялись лейб-медик королевы Виктории и масоны. Историки эту версию отвергли. Но она идеально легла на настроения эпохи Уотергейта, когда доверие к истеблишменту рухнуло.

В 2002 году автор детективов Патрисия Корнуэлл назвала убийцей художника Уолтера Сикерта. Это уже версия эпохи сериалов о файлерах: одарённый психопат с холодным расчётом. Большинство специалистов отнеслись к ней скептически. Есть свидетельства, что осенью 1888 года Сикерт был во Франции.

Двадцать первый век: ДНК

В 2019 году в научном журнале по судебной экспертизе вышла статья о шали с места одного из убийств [112]. Авторы утверждали, что митохондриальная ДНК на ткани совпадает с ДНК потомка Косминского. Газеты написали: «Загадка разгадана». Генетики ответили осторожнее. История самой шали сомнительна. За сто тридцать лет её касались десятки рук. А митохондриальная ДНК не указывает на одного человека. Её делят все родственники по материнской линии и многие посторонние люди. Так старый подозреваемый получил новое обоснование, на этот раз генетическое.

Чему учит список подозреваемых

Эпоха

Подозреваемый

Ведущая идея

Что остаётся за кадром

1890-е

Иммигрант из лечебницы

Вырождение, безумие, чужак

География, повседневная нормальность убийцы

1970-е

Королевский врач, масоны

Заговор власти

Психологию одиночки и саму фактуру преступлений

2000-е

Известный художник

Одарённый психопат

Алиби и простую социальную среду

2010-е

Тот же иммигрант

Генетика как приговор

Происхождение улики и пределы метода

Таблица говорит не столько об убийце, сколько о нас. Каждая эпоха смотрела на Уайтчепел через одну линзу. И каждая линза показывала удобного для своего времени подозреваемого. Одна теория способна найти подтверждение почти любой версии. Именно поэтому современный профиль строится на нескольких независимых источниках. География проверяет психологию, криминалистика проверяет географию, а биография — и то и другое. Когда одна линза заменяет все остальные, убийца остаётся в слепой зоне.

7. Что осталось от Ломброзо

Убийства в Уайтчепеле прекратились так же внезапно, как начались. Ответа на вопрос о личности преступника нет до сих пор, и вряд ли он появится. За полтора века названы сотни подозреваемых, и каждая версия говорит о своём авторе больше, чем об убийце. Поклонники теорий заговора находят его во дворцах, любители сенсаций — среди знаменитостей эпохи. Полиция и пресса викторианской поры искали его среди иностранцев.

Антропометрический детерминизм давно опровергнут. И всё же ловушка Ломброзо сбавывает и сегодня, просто на более тонком уровне. В 2015 году психологи Джон Уилсон и Николас Рул показали обычным добровольцам фотографии американских заключённых, осуждённых за убийство [81]. Испытуемые оценивали, насколько каждое лицо вызывает доверие. Оказалось, что владельцы менее «доверительных» лиц чаще получали смертный приговор, а не пожизненное заключение. Преступления были сопоставимы, разница заключалась в лицах. Выходит, судьи и присяжные двадцать первого века продолжают выискивать стигмы. Только теперь без штангенциркуля и не отдавая себе в этом отчёта.

Итак, что дал нам Уайтчепел? Первый письменный профиль, в котором рядом стоят настоящие открытия и предрассудки эпохи. Образцовую иллюстрацию того, как среда — нищета, ксенофобия, ведомственная раздробленность — создаёт идеальные условия для серийного насилия. И урок, который придётся выучивать снова и снова: следствие ищет того, кого готово увидеть. Преступник при этом остаётся там, куда никто не смотрит.

В двадцатом веке наука перенесёт поиски с поверхности тела внутрь, в психику. Казалось бы, это огромный шаг вперёд. Но, как мы увидим в следующей главе, человек с привлекательным лицом и дипломом психолога окажется невидимым и для новой оптики.

Глава 2. Анатомия психики: от психодинамики к расстройствам личности

Клинический подход XX века совершил революцию, заглянув во внутренний мир преступника. Но он же попал в ловушку психопатологического редукционизма — стремления свести тяжёлое насилие либо к безумию, либо к абстрактной детской травме. Дело Теда Банди показывает, как безупречная социальная маскировка в сочетании с нарциссическим садизмом создаёт слепую зону для классической судебной психиатрии. Дело Андерса Брейвика показывает другое: два квалифицированных заключения об одном человеке могут исключать друг друга, и тогда становится ясно, что профиль убийцы — не диагноз.

1. Безумец или злодей: психиатрический тупик

В январе 1843 года шотландец Дэниел Макнотен выстрелил в спину чиновнику Эдварду Драммонду на лондонской улице. Он принял Драммонда за премьер-министра Роберта Пиля, который якобы возглавлял заговор против него самого. Суд признал Макнотена невиновным по причине безумия. Королева Виктория была возмущена, палата лордов запросила у судей разъяснений. Так родились «правила Макнотена», на долгие десятилетия определившие судебную психиатрию англоязычного мира. Человек не несёт ответственности, если из-за болезни рассудка не понимал природы своих действий либо не сознавал их неправильности.

Из этой формулы выросла жёсткая бинарность, в плену которой судебная психиатрия прожила большую часть двадцатого века. Человека, совершившего непостижимое преступление, пытались уложить в одну из двух рамок:

Модель безумия. Человек страдает психозом — слышит голоса, живёт во власти бреда, не понимает смысла своих поступков и не властен над ними. Его нужно лечить.

Модель осознанного зла. Человек психически здоров, действует из корысти, мести или страсти и отвечает по закону. Его нужно наказывать.

Беда в том, что подавляющее большинство серийных и садистических убийц не вписывалось ни в одну из рамок. Они не слышали голосов и не страдали галлюцинациями. Они прекрасно планировали свои действия, замечали следы и точно знали, чем им грозит разоблачение. И при этом их поступки не объяснялись ни корыстью, ни местью, ни страстью в обычном смысле слова. В разговоре о совершённом они демонстрировали пугающую эмоциональную глухоту — и одновременно умели быть обаятельными.

Клиницистам пришлось искать язык для описания этой странной середины. И они нашли сразу два языка — психодинамический и описательный.

2. От фрейдовского кабинета к теории привязанности

Психоанализ предложил революционную для своего времени мысль. Преступление имеет смысл, даже если этот смысл скрыт от самого преступника. За бессмысленной жестокостью можно разглядеть повторение детских сцен, месть фигурам из прошлого, попытку восстановить разрушенную целостность. Впервые преступник перестал быть либо чудовищем, либо больным организмом. Он стал человеком с историей.

Особенно важным оказался вклад британского психиатра Джона Боулби. В 1944 году он опубликовал работу «Сорок четыре малолетних вора» [18]. Боулби сравнил подростков, попавших в лондонскую консультацию за воровство, с детьми, направленными туда по другим причинам. Среди маленьких воришек выделялась группа с тем, что Боулби назвал «бесчувственным характером»: холодные, отстранённые, неспособные к тёплой связи. Почти у всех из них в раннем детстве была длительная разлука с матерью. Из этих наблюдений позже выросла теория привязанности — одна из самых плодотворных идей психологии двадцатого века.

Во второй половине столетия Отто Кернберг предложил понятие «злокачественный нарциссизм» [5]. Это сочетание четырёх элементов:

нарциссического расстройства личности с его грандиозным образом себя;

антисоциального поведения;

агрессии и садизма, переживаемых не как что-то чуждое, а как источник торжества и самоутверждения;

параноидной ориентации — убеждённости в том, что мир враждебен и нужно ударить первым.

Для понимания серийного насилия эта формула оказалась чрезвычайно полезной. Она объясняла, почему человек может не испытывать ни малейшего внутреннего конфликта по поводу жестокости. Жестокость для него становится способом пережить себя всемогущим.

Где психодинамика спотыкается

Проблема психодинамических моделей не в том, что они неверны. Проблема в том, что они объясняют слишком многое и поэтому ничего не предсказывают. В биографии почти любого серийного убийцы находится тяжёлое детство: насилие, брошенность, унижение, тайна рождения. Однако клиницисту хорошо известно и другое. Подавляющее большинство людей, переживших то же самое, никогда никого не убивают. Они страдают депрессиями, тревогой, зависимостями, разрушают собственную жизнь. Но их боль направлена внутрь, а не наружу.

Статистики называют эту ловушку игнорированием базовой частоты. Если травма есть у девяноста процентов серийных убийц и у десятков миллионов людей, не совершавших ничего подобного, она не может служить признаком для поиска. Она лишь повышает уязвимость, а во что эта уязвимость выльется, зависит от десятка других условий. Вторая слабость — ретро-

спективность. Психодинамический рассказ всегда строится после того, как преступник пойман и его биография известна. При поиске неизвестного он почти ничего не даёт.

Именно так возникает то, что я называю психопатологическим редукционизмом. Сложный сплав биологии, обстоятельств и случая сводится к одной фразе: «Всё из детства». Фраза не ложна, но сама по себе она так же бесполезна, как череп Виллеллы.

3. Маска нормальности: от Клекли к Хаэру

В 1941 году американский психиатр Херви Клекли выпустил книгу с пророческим названием «Маска нормальности» (The Mask of Sanity) [28]. Работая в психиатрической больнице в Джорджии, он собрал истории пациентов совершенно особого рода. Они не бредили и не выглядели больными. Они были умны, обаятельны, нередко неотразимы. И при этом раз за разом разрушали свою и чужую жизнь без видимой причины и без тени раскаяния.

Клекли описал шестнадцать черт таких людей. Среди них — поверхностное обаяние и хороший интеллект, отсутствие бреда и невротической тревоги, ненадёжность и лживость, отсутствие стыда и раскаяния, неспособность учиться на опыте, бедность эмоций, неспособность к любви. Поразителен один нюанс. В книге Клекли почти нет убийц. Его пациенты — бизнесмены, врачи, учёные, просто молодые люди из хороших семей, чередой обманувшие всех вокруг. Клекли с самого начала понимал то, что популярная культура потом забудет: психопатия и убийство — вовсе не синонимы.

Шкала Хаэра

Канадский психолог Роберт Хаэр превратил клинические наблюдения Клекли в измерительный инструмент. В 1980 году появился первый вариант его опросника, в 1991-м — пересмотренная версия PCL-R (Psychopathy Checklist — Revised), в 2003-м — её второе издание [46]. Шкала состоит из двадцати пунктов. Каждый оценивается по трёхбалльной системе — от нуля до двух — на основе полуструктурированного интервью и изучения документов. Максимальный балл — сорок. В Северной Америке диагностическим порогом традиционно считают тридцать баллов, в Великобритании — двадцать пять.

Пункты шкалы группируются в два больших фактора. Первый — межличностный и аффективный: бойкость и поверхностное обаяние, грандиозное чувство собственной значимости, патологическая лживость, манипулятивность, отсутствие раскаяния, поверхностность чувств, чёрствость и неспособность к сопереживанию. Второй — антисоциальный образ жизни: потребность в острых ощущениях, паразитизм, импульсивность, ранние поведенческие проблемы, правонарушения в юности. Позже каждый фактор разделили ещё на два аспекта, и получилась четырёхмерная модель.

Шкала Хаэра стала одним из самых влиятельных инструментов в истории судебной психологии. Высокий балл надёжно связан с риском повторного насильственного преступления. Хаэр оценивал долю психопатов среди взрослых примерно в один процент, а среди заключённых — в пятнадцать–двадцать пять процентов [11]. Простая арифметика показывает: большинство людей с высокими показателями психопатии живут на свободе. Совместно с психологом Полом Бабяком Хаэр посвятил им книгу с выразительным названием «Змеи в костюмах» [16]. Они строят карьеру, руководят отделами, очаровывают инвесторов — и никого не убивают.

Чего шкала не умеет

При всей своей ценности PCL-R плохо подходит для розыска. Во-первых, заполнить её можно только на известного человека — с его биографией, документами и часами беседы. Во-вторых, часть пунктов фактически описывает само преступное поведение. Психологи Дженнифер Ским и Дэвид Кук обратили внимание на опасность порочного круга [82]. Человек набирает высокий балл отчасти потому, что совершал преступления, а высокий балл затем «объясняет», почему он их совершал. В-третьих, диагноз статичен. Он описывает материал, из которого сделан человек, но не говорит, когда и почему этот материал даст трещину.

Психопатия — это скорее тип почвы, чем само растение. На одной и той же почве может вырасти циничный трейдер, бесстрашный каскадёр, авантюрист или серийный убийца. Что именно вырастет — зависит от климата, и этим «климатом» мы займёмся во второй части книги.

4. Анатомия харизмы: феномен Теда Банди

В 1971 году в Сиэтле работала ночная телефонная линия кризисной помощи. За соседними столами дежурили двое добровольцев: бывшая сотрудница полиции, начинающая писательница Энн Рул, и обаятельный студент-психолог Тед. Ночами они разговаривали с людьми на грани самоубийства. Рул вспоминала, что Тед был терпелив, тактичен и добр и что она беспокоилась за него, когда он возвращался домой после ночной смены. Через несколько лет она будет писать книгу об убийствах молодых женщин на Северо-Западе США — и постепенно поймёт, что пишет о своём друге. Книга выйдет в 1980 году под названием «Незнакомец рядом со мной» [75].

Теодор Роберт Банди (1946–1989) признался в тридцати убийствах молодых женщин и девушек в семи штатах за 1974–1978 годы. Истинное число жертв, вероятно, выше. Для американской судебной психиатрии 1970-х он стал главным вызовом. Банди никак не походил на отверженного обществом изгоя:

Социальный капитал. Привлекательная внешность, хорошая речь, диплом бакалавра психологии Вашингтонского университета, учёба на юридическом факультете.

Общественная интеграция. Дежурства на кризисной линии, работа в предвыборном штабе губернатора штата Вашингтон, должность помощника председателя Республиканской партии штата, широкий круг знакомых.

Когнитивная сохранность. Банди сам участвовал в своей защите, разбирался в процессуальных тонкостях и дважды бежал из-под стражи в Колорадо. В июне 1977 года он выпрыгнул из окна судебной библиотеки в Аспене, а в декабре того же года выбрался через потолок камеры в тюрьме Гленвуд-Спрингс.

Семейная тайна

Биография Банди содержит набор деталей, готовых для психодинамического рассказа. Он родился в ноябре 1946 года в Вермонте, в доме для незамужних матерей. Первые годы жизни он провёл в доме бабушки и дедушки, и семья, скрывая «позор», представляла мать его старшей сестрой. Имя отца осталось неизвестным. Деда родственники вспоминали как человека вспыльчивого и тяжёлого, хотя детали этих рассказов противоречивы. Когда мальчику было четыре года, мать переехала с ним в Такому и вскоре вышла замуж за военного повара Джонни Банди, давшего пасынку свою фамилию.

В студенческие годы тесно сплелись два удара. В 1968 году его бросила первая серьёзная подруга — девушка из состоятельной калифорнийской семьи, считавшая его незрелым и лишённым цели. Примерно в то же время, согласно большинству биографов, Банди окончательно убедился, что «сестра» на самом деле его мать. Дальше следует поразительная страница. За несколько лет Банди сделал себе карьеру, оделся в дорогие костюмы, вновь разыскал бывшую подругу и добился её согласия выйти за него замуж. А в начале 1974 года без объяснений прервал всякую связь. Вскоре началась серия исчезновений студентов в штате Вашингтон.

Удобно прочитать эту историю как притчу о мести брошенного ребёнка, и так её нередко и читают. Популярное утверждение, что все его жертвы были похожи на ту самую девушку, заметно преувеличено. Но важнее другое. Даже если принять эту версию целиком, она не объясняет, почему тысячи других молодых людей с тайной рождения и разбитым сердцем никого не убили. Зато она хорошо показывает другое — невероятную чувствительность Банди к статусу и унижению. В восьмой главе мы увидим, как именно такие оси чувствительности превращают статичный портрет в динамическую картину.

Разговор в третьем лице

В 1980 году, находясь в камере смертников во Флориде, Банди дал многочасовые интервью журналистам Стивену Мишо и Хью Эйнсуэрту [62]. Признаваться он отказывался. Тогда Мишо предложил ему говорить об убийце в третьем лице, как эксперт высказывает догадки о неизвестном. И Банди заговорил. Он подробно рассуждал о «человеке», в котором живёт «сущность», о порнографии, алкоголе и нарастающей потребности в обладании.

Эти записи драгоценны не тем, что Банди в них рассказал, а тем, как он это сделал. Дистанция третьего лица была для него естественной, и это что-то говорит о структуре его личности. Преступления существовали для Банди как бы в соседней комнате его жизни, дверь в которую легко закрывалась. Психиатры называют такую разделённость компартиментализацией. Именно она позволяла ему утром вести партийное совещание, а вечером выходить на охоту, не испытывая мучительного раздвоения.

Разбор через клиническую оптику

Если ретроспективно приложить к личности Банди критерии психопатии и концепцию Кернберга, проступает картина злокачественного нарциссизма в сочетании с выраженными психопатическими чертами. Специалисты обычно выделяют три слоя:

Инструментализация отношений. Люди вокруг служили Банди предметами для поддержания образа себя. Подруги, друзья, начальники нужны были как зеркала и декорации.

Маска нормальности. Банди виртуозно изображал «идеального молодого американца». Эта роль была собрана из чужих жестов, одежды и манер — он сам признавался, что учился «быть человеком», наблюдая за другими.

Эскалация сценария. По его собственным рассказам, всё началось с подглядывания и мелких краж в юности. Со временем привычные раздражители перестали приносить разрядку, и сценарий требовал всё более сильных доз. Эта логика привыкания хорошо знакома наркологам.

5. Сценарий «жертва — спаситель»: перевёрнутый контроль

В отличие от многих серийных преступников, нападавших из засады, Банди часто пользовался не темнотой, а социальными нормами. 14 июля 1974 года, в солнечное воскресенье, на переполненном пляже озера Саммамиш молодой человек с рукой на перевязи подходил к девушкам. Он представлялся Тедом и вежливо просил помочь снять парусную лодку с машины. Несколько девушек отказались. Две согласились — и больше их никто не видел живыми.

В ноябре того же года в Юте Банди сыграл другую роль. Он подошёл к восемнадцатилетней Кэрол ДаРонч в торговом центре под видом полицейского и сообщил, что её машину пытались взломать. Девушка села в его автомобиль, чтобы «проехать в участок». Ей удалось вырваться и сбежать, и позже её показания стали основой для первого приговора.

В обоих эпизодах работает один и тот же механизм. Разложим его на три движения:

Использование беспомощности или авторитета. Раненый молодой человек и полицейский — две фигуры, вокруг которых социальная норма отключает настороженность. Одного положено жалеть, другому положено подчиняться.

Эксплуатация просоциальной нормы. Банди бил точно в способность жертвы к сочувствию и вежливости. Культурная норма взаимопомощи заглушала сигналы базовой тревоги. Отказать несчастному казалось грубостью.

Переворот иерархии. В машине девушка мгновенно теряла роль спасительницы и превращалась в бесправный объект. Судя по тому, что Банди рассказывал позже, именно этот момент переворота, а не само насилие, давал ему переживание абсолютного обладания.

Важно заметить, что этот сценарий — не диагноз, а социальная технология. Он строится из культурного материала конкретной эпохи: автостопа, доверия к форме, студенческой откры-

тости начала 1970-х. Психиатрический диагноз объясняет, почему Банди мог действовать без сожаления. Но он не объясняет, почему его метод работал. Работал он благодаря социальной среде.

6. Почему психиатрия его не увидела

Арестованный в Юте в августе 1975 года, Банди прошёл психологическое обследование перед вынесением приговора по делу ДаРонч. Психоза у него не нашли. Отмечались скрытность, необычная зависимость от женщин и страх унижения, но в целом обследуемый производил впечатление сохранный и адекватного молодого человека. В последующие годы эксперты приходили к противоречивым выводам. Одни говорили об антисоциальном и нарциссическом расстройстве личности. Психиатр Дороти Отноу Льюис, беседовавшая с ним накануне казни, допускала биполярное расстройство.

Эта разногласица показательна. Клинический диагноз отвечает на вопрос «что с ним?», но плохо отвечает на вопросы следователя: «где он?», «когда он ударит снова?», «как его отличить от сотен похожих?». К тому же сама маска нормальности прекрасно работала и в кабинете эксперта. Человек, способный обмануть опытную сотрудницу полиции за соседним столом, справлялся и с психологами.

Ирония судьбы: в 1984 году, уже сидя в камере смертников, Банди предложил свои услуги детективу Роберту Кеппелу, расследовавшему серию убийств у реки Грин-Ривер. Он выступил в роли консультанта по психологии серийного убийцы [83]. Человек, которого не сумела разглядеть психиатрия, предлагал себя в эксперты по самому себе.

7. Осло, 2011: две экспертизы одного человека

История Банди показывает, как психиатрия не увидела убийцу. Следующая история показывает нечто более тревожное. Психиатрия рассмотрела одного и того же человека самым внимательным образом — и увидела двух разных людей.

Речь пойдёт не о серийном убийце, а о террористе-одиночке. Массовым убийствам цифровой эпохи посвящена отдельная глава. Здесь это дело интересует нас по другой причине. Нигде в новейшей истории дилемма «безумец или злодей», с которой началась эта глава, не вставала так остро и так публично.

День, который Норвегия называет просто «22 июля»

22 июля 2011 года в правительственном квартале Осло взорвалась бомба, спрятанная в фургоне. Погибли восемь человек. Несколько часов спустя человек в полицейской форме переправился на остров Утёя, где шёл летний лагерь молодёжной организации Рабочей партии. Там он убил шестьдесят девять человек, большинство из них — подростки. Когда на остров прибыл спецназ, он сдался без сопротивления. В тот день погибли семьдесят семь человек. Для страны с пятью миллионами жителей это была крупнейшая трагедия со времён Второй мировой войны.

Подробности самого нападения я сознательно опускаю. Опускаю и содержание текста в полторы тысячи страниц, который убийца разослал по электронной почте за несколько часов до взрыва. Причина та же, что и в десятой главе: этот текст писался как реклама и до сих пор вербует подражателей. Нас интересует другой вопрос. Что за человек на это решился — и почему опытные судебные психиатры не смогли договориться о том, болен ли он?

Обычный молодой человек из Западного Осло

Андерс Беринг Брейвик родился в 1979 году в Осло. Его биографию подробнее всего реконструировала норвежская журналистка Осне Сейерстад в книге «Один из нас» [92]. Уже название её книги — точная формула слепой зоны. Убийца не пришёл извне. Он вырос в благополучном районе столицы одной из самых богатых и спокойных стран мира.

Родители разошлись, когда мальчику был год. Отец, дипломат, жил отдельно и постепенно исчез из жизни сына. Когда подростку было около пятнадцати, связь оборвалась окончательно. Одна деталь детства стала известна широкой публике лишь после трагедии. В начале

1980-х годов семью обследовали специалисты детского психиатрического центра. По данным, опубликованным впоследствии, они тревожились об эмоциональном состоянии четырёхлетнего ребёнка и об атмосфере в доме и даже рекомендовали временно передать мальчика в другую семью [92]. Рекомендацию так и не выполнили. Осторожно с выводами: тысячи детей проходят через похожие обследования и вырастают обычными людьми. Но сам факт напоминает о том, что и в самой благополучной стране детская депривация не видна со стороны.

В подростковом возрасте он увлёкся граффити и пытался стать своим в уличной компании. По воспоминаниям сверстников, его терпели, но не принимали всерьёз. Потом были незаконченная школа, небольшие коммерческие проекты и недолгое членство в молодёжном крыле правой Партии прогресса. Политической карьеры не сложилось, и он ушёл. К середине 2000-х годов дела пришли в упадок. В 2006 году двадцатисемилетний мужчина вернулся жить к матери. Около года он провёл в комнате, днями и ночами играя в сетевую компьютерную игру. Затем сел за свой текст и начал долгую методичную подготовку.

Посмотрим на эту биографию глазами соседа. Вежливый, хорошо одетый молодой человек живёт с матерью, немного замкнут, много сидит за компьютером. Потом он арендует ферму в деревне и регистрирует сельскохозяйственную фирму. Фермер закупает удобрения — что может быть естественнее? Для постороннего взгляда ни одна из этих деталей не выходила за пределы нормы. Именно так выглядит социальная мимикрия, которую мы уже видели у Банди и увидим у Чикатило. Только здесь она служила не серии преступлений, а подготовке одного дня.

Экспертиза первая: «болен»

Чтобы понять драму дальнейших событий, нужно знать одну особенность норвежского права. В отличие от английских «правил Макнотена», тогдашний норвежский закон не спрашивал, понимал ли человек, что делает. Он спрашивал другое: был ли человек в момент преступления в состоянии психоза. Если был — он не подлежал наказанию, даже если прекрасно всё спланировал и осознал. Юристы называют такой подход медицинским критерием. Диагноз в нём решает почти всё.

Первую судебно-психиатрическую экспертизу провели психиатры Торгейр Хусбю и Синне Сёрхейм. Они провели с обвиняемым много часов бесед. В ноябре 2011 года их заключение попало в прессу и потрясло страну. Эксперты диагностировали параноидную шизофрению. В рассуждениях обвиняемого о себе как о рыцаре тайного ордена, призванном спасти Европу, они увидели грандиозный бред. Отметили они и странные словесные конструкции, вершительский тон, эмоциональную уплощённость. Вывод по норвежскому праву был однозначен. Человек, убивший семьдесят семь человек, невменяем и подлежит не наказанию, а принудительному лечению.

Реакция общества оказалась бурной. Родные погибших, журналисты, часть профессионального сообщества видели в заключении несправедливость. Многим казалось, что целенаправленный терроризм нельзя приравнять к болезни. В итоге суд назначил повторную экспертизу с другими специалистами.

Экспертиза вторая: «здоров»

Вторую экспертизу провели психиатры Терье Тёрриссен и Агнар Аспас. В апреле 2012 года они пришли к противоположному выводу. Психоза нет ни сейчас, ни в момент преступления. Есть тяжёлое расстройство личности с диссоциальными и нарциссическими чертами. Их вывод подкрепляли наблюдения персонала тюрьмы, где содержался обвиняемый. За месяцы повседневного наблюдения сотрудники не заметили признаков психотического состояния.

Теперь у суда было два заключения с противоположными выводами. Оба составили квалифицированные специалисты. Оба опирались на один и тот же материал. В августе 2012 года суд признал Брейвика вменяемым. Он получил максимальный для Норвегии срок — двадцать

один год превентивного заключения. Этот срок можно продлевать снова и снова, пока осуждённый считается опасным.

В этой истории есть горькая ирония. Больше всех боялся оказаться «сумасшедшим» сам подсудимый. Он настаивал на своей вменяемости и отказался обжаловать приговор. Диагноз «шизофрения» обесценил бы его поступок в глазах тех, кому он адресовал своё послание. Для него это был вопрос статуса: больной — никто, политический боец — кто-то. Получилось, что и родные жертв, и убийца хотели одного и того же вердикта, хотя и по противоположным причинам.

Бред или идеология?

Почему две группы опытных психиатров так разошлись? Норвежский психиатр Ингрид Мелле посвятила этому разбор в журнале Всемирной психиатрической ассоциации [91]. Главный камень преткновения — граница между бредом и крайней политической идеологией.

По классическому определению, бред — это ложное убеждение, не поддающееся коррекции. Но в этом определении есть одна важнейшая оговорка. Убеждение не считается бредовым, если его разделяют другие члены культуры или субкультуры. Вера в заговор, которая довела Брейвика до убийства, не была его личным изобретением. Он взял её из сетевых сообщений, где те же идеи обсуждали тысячи людей. Идея не становится правильной оттого, что её разделяет много людей. Но и бредом в клиническом смысле она быть перестаёт.

Иначе говоря, то, что первые эксперты приняли за симптом болезни, при другом взгляде оказывается продуктом среды. Это вопрос не столько психиатрии, сколько социологии и исследований радикализации. В кабинете психиатра одиночка со странными идеями выглядит больным. На фоне его сетевой референтной группы он выглядит радикалом. Один и тот же текст читается по-разному в зависимости от того, какую рамку выбрал читающий.

Дело имело и юридические последствия. Норвежские власти создали комиссию, которая пересмотрела сам принцип невменяемости. Позднее закон изменили. Теперь одного факта психоза недостаточно: суд оценивает, насколько глубоко искажено восприятие реальности. Иными словами, сама правовая система признала: один диагноз не может решать судьбу дела в одиночку.

Не каждый больной опасен, не каждый убийца болен

Спор вокруг Брейвика обнажил старую общественную привычку. Когда происходит что-то чудовищное, нам хочется одного из двух простых ответов. Или «он сумасшедший» — и тогда преступление объяснено болезнью, как когда-то одержимостью. Или «он здоров и просто злой» — и тогда объяснять нечего. Оба ответа успокаивают. И оба неверны.

Начнём с первого. Расхожее представление о том, что психически больные люди опасны, не выдерживает встречи с цифрами. Статистическая связь между шизофренией и насилием действительно существует. Но метаанализ Сина Фазеля и его коллег показал, что значительная часть этой связи объясняется сопутствующей зависимостью от алкоголя и наркотиков [89]. В том же исследовании риск у людей с зависимостью, но без шизофренией, оказался сопоставим с риском у людей с шизофренией и зависимостью.

Ещё важнее другой показатель. Фазель и Мартин Гранн рассчитали по данным населения Швеции, какая доля всех насильственных преступлений приходится на людей с тяжёлыми психическими расстройствами [90]. Получилось около пяти процентов. Примерно одно преступление из двадцати. Если бы все тяжёлые психические расстройства вдруг исчезли, девятью из десяти преступлений насильственного характера остались бы на месте.

И наконец, практически любой психиатр знает по своим пациентам то, что подтверждают исследования [93]. Люди с тяжёлыми психическими расстройствами гораздо чаще становятся жертвами насилия, чем его источниками. Каждый громкий заголовок «Убийца страдал шизофренией» бьёт по тысячам людей, которые никогда никому не причиняли вреда. Он усиливает

стигму, отталкивает от лечения и, парадоксальным образом, делает общество менее безопасным.

Теперь второй ответ. Если убийца не болен, значит ли это, что психиатру нечего сказать? Разумеется, нет. Вторая экспертиза не объявила Брейвика здоровым человеком. Она лишь сказала, что у него нет психоза. Между «болен шизофренией» и «совершенно нормален» лежит огромное пространство. В нём и расстройства личности, и нарциссические раны, и идеологическая одержимость, и социальная изоляция. Именно здесь живёт почти каждый человек, о котором рассказывает эта книга.

Обратный случай: Хьюстон, 2001

Брейвик показал, что убийца может быть психически здоров. Теперь нужен обратный пример. Что происходит, когда болезнь есть и она тяжёлая? Можно ли тогда объяснить преступление одним диагнозом?

20 июня 2001 года в пригороде Хьюстона Андреа Йейтс утопила своих пятерых детей. Потом она сама позвонила в полицию. До болезни она работала медсестрой, в школе была одной из лучших учениц. Соседи знали её как тихую и заботливую мать.

Так выглядел фасад. За ним была долгая история болезни [109]. После рождения четвёртого ребёнка у неё развилась тяжёлая послеродовая депрессия с психотическими симптомами. Были госпитализации и две попытки самоубийства. Психиатр предупредил семью, что новая беременность может вызвать ещё более тяжёлый рецидив. Через год родился пятый ребёнок. Весной 2001 года умер её отец. Состояние резко ухудшилось. За несколько недель до трагедии антипсихотический препарат ей отменили. Муж оставлял её одну с детьми на несколько часов в день.

Есть и ещё один слой. На семью сильно влиял странствующий проповедник со суровыми взглядами о грехе и долге матери. В её бреде религиозные образы занимали центральное место. Она была убеждена, что плохая мать и что дети погибнут для вечности. Убийство в этой логике выглядело «спасением».

Два суда — два ответа

В 2002 году присяжные признали её виновной. Техас применял узкий критерий невменяемости, восходящий к делу Макнатена. Знала ли она, что поступает дурно? Обвинение доказывало, что знала: ведь она сама вызвала полицию. В 2005 году приговор отменили. Один из экспертов обвинения дал ошибочные показания о телесериале, сюжет которого якобы повторила обвиняемая. Такой серии не существовало. В 2006 году на повторном процессе её признали невиновной по причине невменяемости и направили на принудительное лечение.

Одни и те же факты дали два противоположных решения. В Осло спорили две психиатрические комиссии. В Хьюстоне — два состава присяжных. И в обоих случаях спор шёл о одном: уместается ли человек в клиническую или юридическую категорию.

Болезнь — условие, но не вся причина

Здесь психоз сыграл решающую роль, и отрицать это бессмысленно. Но послеродовые психозы переносят тысячи женщин. Подавляющее большинство из них никогда никому не причиняет вреда. Трагедия сложилась на пересечении нескольких уровней.

Уровень

Что произошло

Биологический

Повторные послеродовые эпизоды, семейная история депрессии

Медицинский

Предупреждение врача не услышано, лечение прервано

Семейный

Новая беременность, смерть отца, изоляция с пятью детьми

Культурный

Религиозная среда, давшая бреду готовый язык греха и спасения

Юридический

Узкий критерий невменяемости и ошибка эксперта

Любой из этих уровней в одиночку ничего не объясняет. Брейвик и Йейтс стоят на разных полюсах: у одного болезни нет, у другой она несомненна. И в обоих случаях один диагноз даёт лишь часть ответа. Вторая история даёт и практический урок. Её можно было предотвратить не профайлингом, а непрерывным лечением и вниманием к семье.

Профиль — не диагноз

Отсюда следует мысль, ради которой написана вся эта книга. Профиль убийцы — это не диагноз и не клиническая категория. В международных классификациях болезней нет рубрики «убийца», и это не пробел. Психиатрический диагноз отвечает на вопрос, как устроены мышление, чувства и поведение человека. Профиль отвечает на другой вопрос: как именно у этого человека, в этой среде и в это время сложился путь к насилию.

Диагноз — один из кирпичей профиля, но не единственный. Рядом с ним лежат биология, биография, социальное положение, культурные сценарии, повседневная рутина, сетевое окружение. В деле Брейвика две команды экспертов спорили о диагнозе месяцами. Попробуем вместо этого задать другой вопрос: как выглядят его оси чувствительности? Подробно матрицу мы разберём в восьмой главе. Здесь достаточно предварительного наброска по открытым источникам.

Ось

Что известно из открытых источников

1. Статус

Серия неудач — в уличной компании, в бизнесе, в политике; грандиозный образ себя как компенсация; страх оказаться «сумасшедшим»

2. Нормы

Убийство переименовано в «защиту» и «долг»; полная рационализация

3. Страх и угроза

Картина мира, в которой цивилизация находится под смертельной угрозой

4. Привязанность

Ранний уход отца, отсутствие близких отношений, возвращение в дом матери

5. Рутинa

Год жизни в онлайн-игре; затем рутинной стала сама подготовка

6. Оценка энергии

От апатии и затворничества к периоду целеустремлённой и всепоглощающей активности

7. Качество референтных групп

Воображаемое «братство», сетевые эхо-камеры, будущие читатели текста

В этой таблице нет ни одного диагноза. И всё же она объясняет больше, чем оба заключения вместе взятые. Она показывает, как статусные раны и одиночество нашли себе идеологию, а идеология — аудиторию. И почему никто из окружающих ничего не заметил: каждая ось по отдельности выглядела как обычная житейская неустроенность.

Урок Осло можно сформулировать одной фразой. Не каждый больной шизофренией опасен, и не каждый убийца психически болен. Понять насилие можно только на стыке дисциплин, и судебная психиатрия — лишь одна из них.

8. Итоги главы

Клинический подход дал криминологии три важнейших вещи. Во-первых, он перенёс внимание с тела на личность и её историю. Во-вторых, он создал валидные инструменты измерения, прежде всего шкалу Хаэра. В-третьих, он показал, что самые опасные преступники часто выглядят здоровее и привлекательнее своих соседей.

Но у этого подхода есть и своя ловушка. Он слишком легко сводит сложный вопрос к выбору между «болен» и «здоров», хотя почти все герои этой книги живут между этими полюсами. Диагноз статичен и не способен объяснить момент перехода к насилию. Он плохо работает с неизвестным преступником. А его так легко превратить в новое клеймо: «психопат» звучит почти как «одержимый», только на научном языке. Следующий шаг сделали не психиатры, а сыщики. Они решили читать не человека, а место преступления.

Глава 3. Романтический профайлинг: эра ФБР и её границы

Отдел поведенческих наук ФБР превратил интуитивные догадки в следственный инструмент и подарил криминалистике язык «почерка». Но сама система попала в ловушку собственной романтизации. Жёсткие двоичные типологии и узкая выборка создали иллюзию дедуктивного прозрения, которая сбивает при встрече с преступником, меняющим поведение.

1. Пролог: психиатр и двубортный костюм

Романтический профайлинг начался не в ФБР, а в кабинете нью-йоркского психиатра. С 1940 по 1956 год в Нью-Йорке взрывались самодельные бомбы — в кинотеатрах, на вокзалах, в телефонных будках. Неизвестный, прозванный прессой «Безумным подрывником», слал письма с обвинениями в адрес энергетической компании Consolidated Edison. В конце 1956 года полиция обратилась за помощью к психиатру Джеймсу Брасселу.

Брассел изучил письма и схемы взрывов и составил портрет. По его словам, искать следовало мужчину средних лет, плотного сложения, аккуратного до педантизма, скорее всего славянского происхождения и католика, неженатого, живущего с родственницами в Коннектикуте. И добавил знаменитую фразу: когда вы его найдёте, на нём будет двубортный костюм, застёгнутый на все пуговицы.

В январе 1957 года полиция постучалась в дом в Уотерберри, штат Коннектикут. Дверь открыл бывший сотрудник Con Edison Джордж Метески — неженатый католик литовского происхождения, живший с двумя сёстрами. Ему разрешили переодеться, и он вышел из спальни в двубортном костюме. Застёгнутым.

История стала легендой и до сих пор кочует по учебникам. Однако у неё есть менее известная изнанка. Метески нашли не по профилю. Служащая Con Edison Элис Келли перебирала старые личные дела и наткнулась на сотрудника, получившего травму в 1931 году. Фразы из его жалоб совпали с формулировками из писем подрывника. Часть предсказаний Брассела не подтвердилась, а сам он в мемуарах заметно отредактировал свои догадки задним числом

[21]. Но миф уже родился. Одинокий гений смотрит на улики и видит пуговицы на пиджаке неизвестного.

Именно Брассел позже стал наставником агента ФБР Говарда Тетена. И именно Брассел вскоре появится в деле Бостонского душителя.

2. Рождение метода: от аудитории в Куантико к тюремным камерам

В 1972 году в новой Академии ФБР в Куантико специальный агент Говард Тетен и преподаватель Патрик Маллани создали Отдел поведенческих наук (Behavioral Science Unit, BSU). Поначалу это была учебная группа. Преподаватели читали полицейским из разных штатов курсы прикладной психологии. После занятий слушатели часто подходили с вопросами о нераскрытых делах из своей практики. Так стихийно возникла консультационная практика.

Вскоре к группе присоединились Роберт Ресслер и Джон Дуглас. Разъезжая по стране с выездными семинарами, они стали заезжать в местные тюрьмы и разговаривать с осуждёнными убийцами. Постепенно эти беседы превратились в исследовательский проект. В 1979–1983 годах они вместе с исследовательницей из Бостонского колледжа Энн Бёрджесс провели структурированные интервью с тридцатью шестью заключёнными, осуждёнными за сексуальные убийства. Итоги вошли в книгу «Сексуальное убийство: паттерны и мотивы» (1988) [71]. По собственным словам Ресслера, именно тогда он начал употреблять выражение «серийный убийца» [72].

Атмосферу этих лет хорошо передают мемуары Дугласа «Охотник за разумом» (Mindhunter) [33] и снятый по ним сериал. Два полицейских с диктофоном сидят напротив человека, убившего десяток женщин, и спрашивают его о детстве, фантазиях, выборе места и времени. Для своего времени это было настоящее новаторство. До них полиция заканчивала работу в момент осуждения. А ведь самые настоящие эксперты по серийным убийствам уже сидели в камерах.

3. Язык улики: МО, почерк и инсценировка

Главным и самым долговечным достижением Куантико стал понятийный аппарат. Он пережил и саму типологию, и её создателей.

Способ совершения преступления (modus operandi, МО). Всё, что преступник делает, чтобы совершить преступление и уйти безнаказанным: выбор места, способ проникновения, оружие, способ избавиться от улики. МО — величина подвижная. Преступник учится на ошибках, реагирует на действия полиции и прессы, приспосабливается к обстоятельствам.

Почерк (signature). Действия, совершенно не нужные для самого преступления, но необходимые преступнику эмоционально. Ритуал, слова, особое расположение предметов, символические детали. Почерк вырастает из фантазии и потому меняется гораздо медленнее МО. Именно он позволяет связать внешне непохожие преступления в серию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.